

Хамуталь Бар-Йосеф

Пицца

На обложке

Как слепой, что во сне дорогу пересекает
И внезапно его обнимает дева нагая –
книжку без переплета, без молодого портрета
без сплетен и иной шелухи –
так, если сможешь, прочти мои стихи

В толчее

В толчее торопливых безмолвных лиц
в бестолковой бессмысленной толкотне
внезапно рука незнакомой женщины
щупает ткань моего платья, сшитого мамой
и спрашивает почему брали
Спрашивает днем и спрашивает ночью
царапает ткань потрескавшимися ногтями
проникает до кожи
трогает с понимающим видом
тонкогубая бледная швея
близоруко касается исколотыми пальцами
и кроит и режет по живому
перекраивает все по иному

Мы родились здесь

Мы родились здесь
чтобы жить молодыми
в молодой стране молодых
без бабушек, дедушек, родителей и прочих родных
По ночам
в общей детской спальне
парили в пространстве большой эмалированный сосуд
в предвкушении свершения
всех желаний исполнения
А снаружи, возле столовой
простирался обширный газон
и травинки с короткими корешками
сиротливо жались друг к другу

Спор

Иные приглашают в кино, или гулять по холмам Иудеи
дарят репродукцию, бусы или миксер
нашептывают комплименты
А мой отец изливал любовную страсть в споре
воспламенялся в споре
отдавался в споре
спор был для него родным русско-еврейским местом
И с тех пор как у меня выросли груди, все мы часами
надрывались на кухне в поисках абсолютных истин
"В том-то и разница между тобою и мной", говорил отец
маме под утро, очищенный и опустошенный
многочасовой и пылкой речью
и репликами не к месту
"Вот так и напишут у тебя на могиле"
отвечала на это мама
чтоб распалить его еще больше
А затем, полагаю, они вместе
расставляли складной двуспальный топчан
Вот так, полагаю, я и явилась на свет
из этих пенных волн

Воспоминание детства

Язык многозначный, тайный язык матерей
радостный хохот девчонок надевших взрослые туфли
чтобы пошляться немного по траве чужого райского сада
Он помогал мне в моем коллективном детстве
когда темнота с беззвучным лаем
просачивалась сквозь ячейки москитной сетки
над белой железной кроватью в детском саду
и ложилась рядом со мной

Я тормошила соседку
мою пухлощекую подружку
и шептала ей, умоляла
Проснись, поговорим на тайном наречии взрослых
и никто нас не поймет
Но она не хотела, ей снился отец
который уже два года был на войне
два года не говорил ей спокойной ночи
И я в одиночку бросала во тьму тайный язык
щи, маша, даша, каша, язык-взятку
откупалась от великой тьмы

* * *

Мама рассказывала мне перед сном:
Когда начался погром
бабушка сварила в большой кастрюле
капустный суп под названием щи
Вокруг дома была белая ограда
вишневое дерево затеняло пол-сада
казаки сидели за столом, как надо
и ели. Баюшки-бай
поскорее засыпай. Затем
один из них взял свой карабин
и перестрелял всех мужчин
А на женщин, он сказал
не стоит тратить патроны

Мой отец не рисовал мне картин
своей жизни, своего детства, своих страхов
Он обертывал мои тетради коричневой бумагой
вдыхал во сне
пел мне шуточные свадебные песни когда я плакала
гладил мои руки и волосы
и любил селедку с луком

Ушел человек

И вот ушел человек
не искавший окольных путей
и не знавший в своей жизни
диковинных искушений
простой учитель Танаха
уходивший в себя
Таков был мой отец
Он научил меня азбуке
по системе а теперь перепиши-ка
первый псалом Давида
красивым почерком

Исповедь

Мы предали дерево, державшее первую колыбель
бросили реку, презирая ее узкое русло
вырвали мудрые черные ракушки
знавшие всю сладость воды
мы стерли тенистые синие горы
мы забыли
их отдаленный напев пахнувший диким анисом и чебрецом
отринули самый высокий утес в повседневной сумятице
предали черную базальтовую глыбу
И теперь она катится, катится

* * *

Люди, знавшие бабушек только из книжек –
бабушка, слово вроде синей птицы или мамонта –
люди, никогда не трогавшие отцовской бороды
как часто я вижу вас в нашем столетии

Рассечены на двенадцать мешков алой плоти
несовместимых логик
исхлестаны шестью бичами различных устремлений
днями деяний

И в канун субботы
вам не за что ухватиться
кроме холодных железных рельсов
этого века

Вечерней порой вы ложитесь на них поперек
ожидая экспресса
как дозы алкоголя

А после, расплющенные в солнечные диски
поднимаетесь
в пустоту

Больное место

Попробуй представить себе корову, выходящую из хлева на пастбище
и то, как свет щекочет ей холку, и как она дремлет-не дремлет
нитями солнечной слюны тянется длинное время
и она жует его и жует, и сладкое тяжкое бремя
переполняет ее бескорыстное вымя

Подумай, каким для нее окажется шоком
если она коснется боком ограды под током

Или представь себе самого себя, как ты просыпаешься ночью
и бродишь и бродишь во тьме, и ложишься в чужую постель
ибо в темноте до нее показалось ближе
и видишь, что в ней кто-то уже есть
та, с которой тебе давно хотелось быть
и она обхватывает твою голову обеими руками
и спросонья грохает об стенку

Все очень просто:
либо ты знаешь
либо не знаешь где твое больное место

Это случилось весной, в деревне, мне было почти семь лет
Пасхальный вечер, и скоро возникнет государство Израиль, а я
накрываю на стол, ставлю четыре прибора и всячески стараюсь
чтобы все на столе было нарядно и красиво
На затылке у меня ленты
вьются над головой как розовые мыльные пузыри
Оконные стекла
отполированы прилежной кровью женщин
ежегодно об эту пору поражаемых безумием уборки
оттерты до визга смятыми газетными лозунгами
Я жаждала узнать тайну этих чудно-сложных слов
скакавших ежедневно по газете тройками крошечных вороных
запряженных в колесницу, которая мчалась в страну, где все как надо
н-но, мои лошадки, равенство, социализм
н-но, мое братство народов!

Ибо так обещал мне по секрету мой старший брат:
и будет у нас свое государство
и вся страна будет один большой киббуц,
(все секреты, в которые он меня посвятил, я хранила
под ворохом розовых лент, в глубине своей плоской груди)
и наглядно чертил мне прикладом винтовки

в пыли дороги, по которой коровы ходят на выгон
Средиземное море, озеро Хулу, Кинерет, Мертвое море
нанизанные на нить Иордана. Мне на шею
надел мой старший брат ожерелье нашей страны, нашей-пренашей
и сверху прибавил месяц, чтобы каждый вечер в семь часов
мы могли обменяться приветом даже вдали друг от друга
Он остановил небесную колесницу и отдал мне вожжи –
лети куда хочешь! Попутного ветра!

А отец сидит в углу в кресле
не хочет говорить не хочет отвечать не хочет справлять седеp
Рука его под расстегнутой рубашкой
крепко зажимает рот больному месту
заталкивает его обратно в грудь

Зови отца к столу
зови отца к столу
разговори его
развесели его
как это делает он когда тебе грустно

Мейдале мейдале не плачь не грусти
жених твой близко жених твой в пути
он скоро приедет он скоро придет
горчицы и хрена тебе привезет

Как
обращаться
с печальным отцом?
Свадебных песен его на идише
девчонка петь не умеет
А что у него в этом месте больном?
там запретный язык немеет

Не хочу я его веселить
говорю я упрямо и ухожу из дома

Бреду как корова налитая черным солнцем
Возле автобусной остановки соседская Шошана
ест бутерброд с соленым маслом
из Америки оно блестит у нее на губах
блестят золотые сережки
Тсс... Шошана беженка из Европы
Там девочки носят взрослые серьги и взрослые платья
У Шошаны шелковое платье, пощупай
на, пощупай, американский шелк. Да ты что? не дергай!

Что-то уж очень у нее умоляющий голос вроде ее жирного масла
что-то уж очень у нее дружелюбный бесхитростный взгляд
какой-то нечистый умысел осторожный расчет
где мой брат на остановке пусто все она врет
рвануть со всех сил ее платье, беженка, ну и плевать мне
ткань разорвалась с треском

В дом приходили люди в военной форме и уже ушли
солнце тоже зашло
У матери очень красные глаза
нельзя в них смотреть, нельзя спрашивать что случилось
Отец лежит на зеленой тахте лицом к стене
поджав ноги к животу

Мама не просит, чтоб я его рассмешила
Стол так и стоит накрытый на четверых

Отец иди к столу
иди к столу
к столу
Засмейся отец засмейся
отпразднуй пасхальный седер со своим семейством

Страшно дотронуться до отцовской спины
и страшны его липкие щеки
Может, надо его поцеловать
Я не очень это умею, но пытаюсь
И тут его ноги в тяжелых башмаках
пинают меня в живот. Нечаянно?
Или со сна? Он подымается, и если сейчас
откроет глаза, кровь хлынет из глаз

Я не умею смешить или петь
Боль с течением времени должна остыть
Пусть лучше будет больно не мне
а корове или стене.

Палестина

На этой узкой постели
у глинобитной стены изъязвленной трещинами
гнездами скорпионов и ящериц –
повернешься и канешь в море –

на этой узкой жесткой постели
пришел ли ты познать меня, *йа хабиби*
или разmozжить мне и моим младенцам
череп об эту стену?

Голубка

Когда с гор донесется сирена отбоя
я выпорхну из окошка
и опущусь на верхушку эвкалипта
Его крепкий мужской запах
отгонит от меня ненадолго
память о разоренных гнездах
и раздавленных птенцах
И вскоре я снова пушусь кочевать
из легенды в легенду об оливковой ветви.

Похороны брата

Меня одели в белое субботнее платье хотя была не суббота
и повезли в Иерусалим но не на экскурсию

Купили мне цветы каких не бывает в поле
и повели в тесное место

Небо оттуда улетело
и солнце палило так что в ушах свистело

На душевой площади страшная баба
с ножом в руке сделала мне дырку на воротнике

А другая пыталась разбить гроб
кричала в яму тебя дожидается мама

Дико вопила и рыдала
и раздирала ногтями лицо и тело

Черные филины в черных очках
гудели как паровоз катящийся без огней
прямо по лесу без рельсов крик налетал на вопль
Если я позову брата
ау, где ты
услышу лишь свой собственный голос

Мы

Мы, те, кто больше
не говорит мы,

мы растаяли вместе со снегом
тысяча девятьсот пятидесятого года, года большой нужды
Как порошковое молоко мы растаяли в бразильском кофе
из американских посылок. Сначала продукты
потом одежда: бархатная шляпа с вуалью
на помятом лице моей траурной мамы
моей мамы которая льет горькие слезы
над этой грудой маскарадных костюмов
над нами, когда мы в субботний вечер
в тысяча девятьсот восьмидесятом году
пытаемся петь русские песни
и голоса наши не сливаются вместе

Еще в школе

Еще в школе я поклялась:
Выйду замуж и никогда больше не взгляну
на твое лицо в морщинах
налитых вечной завистью к другим матерям
Ах, сколько юных розовых клятв
я надавала в школе!

Утром от злости я изодрала в клочья
вышитую простыню с голубой мережкой
и поклялась что убью тебя
за подлый твой поступок –
ты не пустила меня с температурой в поход

В полдень я обрила голову наголо
и поклялась что завтра умру

А вечером я обнаружила
приписку твоей корявой рукой
твоей уродливой мерзкой рукой
в моем любовном письме к женатому мужчине
Каково мне, по-твоему, было?

Я уж, по правде сказать, не очень и помню
Я слишком стара, и лицо мое, все в морщинах
налитых вечной завистью к другим матерям
никому не нужно, кроме тебя

созревание

Я вжимала кнопками свою мятую тень в стенную щель
загоняла в свою дырявую тряпку-голову здоровый гвоздь
выдавливала ногтями гной из сердечных прыщей
И все это пахло серым запахом школы

Силы

Полные сил, даваемых молодостью и непричастностью
мы орали песни перед сном, лежа на железных койках,
а допев, падали навзничь, как Трумпельдор.

Полные сил, мы катались на велосипеде по узкой тропинке
меж могильными плитами, усыпанными влажной хвоей
не держась за руль – глядите! – кричали мы

А из-за шоссе, из дальнего сада, где зрели грейпфруты
нам отвечало сонное жужжание пчел

Имена

Имена, и опять имена, многочленные, закрученные, разбитые
кто их произносит, того то смех берет, то слезы

Названия улиц, имена одноклассников и их сестер и братьев
кто их произносит, тот входит в пространство вопля

Трепещут в воздухе и жужжат со странным упорством
словно дальнейшее ржание лошади, плачущей во сне

Так звучали беседы моих родителей с их земляками
о том, что было когда-то

У нас будет государство

У нас будет свое государство, этот секрет
открыл моим родителям чужой голос по радио
жуткий такой, он знает все и поет по субботам псалмы

На эту тему они не спорили
Вместе, мирно как никогда
они слушали голос, который сказал Соединенные Штаты
Америки – за, Советский Союз – за и Гватемала – за
и другие разные страны, которых не знает даже моя коллекция марок

У нас будет свое государство, сказали мне оба
вместе.

Утром я вышла взглянуть, есть ли уже государство
и увидела Эзру, который стоял возле сада с ружьем
Эзра, сказала я, у нас уже есть государство!
Ни комендантский час, ни тайники с оружием больше уже не нужны!
Не надо больше прятать патроны
в моем школьном портфеле!

Слышал ли Эзра, что я сказала?

В клубе на полу лежал Ури Ганани, шофер молоковоза
весь, с головой, накрытый черным покрывалом
На полу клуба горели две свечки, хотя была не суббота
Его застрелили по дороге в Йяхуд, говорили вокруг снова и снова
Йяхуд Йяхуд Йяхуд отдавалось эхо от стен клуба

Йяхуд это арабский поселок в Иудее
Проезжая мимо, видишь множество девочек в розовых-розовых платьях
Там они бегают, в этих своих чудовищных розовых платьях
Странные девочки. Неясное государство

Безволосый и круглый

Безволосый и круглый, он раздирает меня
и вырывается в мир

Теперь он сам себе господин
волен царапать себе нос
или глаза, затянутые туманом

Ногти ему остричь
можно только обманом.

* * *

Это не так, словно почва осела внезапно
и земля поглотила квартал (где же нам жить)
И не так, словно нога оторвана от тела глухим взрывом
и лежит посреди немой и недвижной улицы
И не так, словно странный черный провал
коварно, исподтишка пробит в знакомом пейзаже
в музее сознания

Не так ты ушел от нас. Не так нам тебя нехватает
А будто бы воздух сгустился в огромный стеклянный куб
и ты запаян внутри и движешься там неслышно
снова и снова становишься тем, чем был когда-то
задыхаясь и беззвучно зовя на помощь
Отныне ты всегда у нас прямо перед глазами
между нами и всем, что есть на свете
между всем, что есть на свете, и нами

Когда я одна я лишаюсь сил и хочу умереть
укутаться в мягкий пух темноты
нырнуть в нее как разбитая подводная лодка
и накрыться сном с головой

Когда я одна силы исходят из меня
из всех пор моего тела прямо в землю
истощают меня оставляют во мне одну пустоту и ужас
пустую шелуху обреченную ветру

Когда я одна нет у меня меня
нет совсем, есть только нету нету
ни ответа нет ни приветов
и ночью и днем
есть только камень на мне и на нем

Оставь

Оставь, дай мне выглядеть старой и безобразной
отныне без всякой краски

Страсти во мне никогда больше не будет

Я буду смотреть вот этими пустыми глазами

на мнимое копошение жизни

за стеной окружающих меня стеклянных кубов

Из каждого из них

кричит ко мне ребенок, а я ничего не слышу

Тель-Авив

Да, весьма деликатно ты, мой город безликий
черное дело свое здесь надо мной совершил

Камень на сердце увидел, обнюхал, не впечатлился
Море ежевечерне с любезностью дон-жуана
передо мною придерживает стеклянную дверь-вертушку
вечно доступного выхода на
прекрасный пляж, наполненный воздухом и людьми
словно гигантская кружка – пивом, бродящим в крови променада
Пляж звенит в ушах телефоном из уличной будки, словно
упрямый мальчишка безнадежно клянется в любви своей неуклюжей
Пляж стал танцплощадкой, прижаты друг к другу
взгляды самого разного рода –

Нет! Из окна машины у светофора прыгнула сучка
виляет хвостом, рвется с моим познакомиться псом
Как и когда ты содрал с меня мой траур
город теплых ветров, продажный гуляка?

Сладость мятого инжира и раздавленной шелковицы
клейкая сладость морщинистых оранжевых фиников
и даже сладость разрезанной на кусочки айвы
оранжевой и бугристой –
все это было в конце рассеченного, рваного лета
А потому вставай, во тьме и в боли
скажи "как сладко", спой это как песню
внеси поправку в конец лета

Бывают дни

Бывают дни когда я верю в бога
трепещет он в миндальной круговерти
как бабочка едва лишь сбросившая кокон
в единый день любви ее и смерти

А иногда он в шаре одуванчика таится
а я сижу на теплой каменной ступени
Подует ветер – шар пушистый разлетится
прозрачным облаком семян-сомнений

В половине пятого даже дерево

В половине пятого даже дерево
тянет руки, как ребенок в яслях, заждавшийся матери
готовый нырнуть в любые раскрытые объятия
напрягает ветви что есть силы
просится в каждое облако, плывущее мимо
Скорей, унеси меня на своих неродных крыльях
не оставляй, спаси меня от заката
я не хочу во тьму

В половине пятого даже дерево
не говоря уж о людях, обделенных любовью

Кухонный стол

После полудня. В кухне
все готово
На столе лицом к лицу
моя вилка почти касается твоего ножа
Пряди моих волос подле вены на твоей шее
Вентилятор гонит ко мне и от меня
выдохнутый тобой обжигающий воздух
Я вижу также трещины
на кухонном столе, массивном
скорее старом нежели новом
я вижу также его толстые ноги
Возьми нож. Нарезь хлеба

* * *

Я говорила: он нехорош
тяжеловесная и тупая личность
голова у него – каменный шар
коснется – как выстрел из катапульты

А ночью я прижималась к нему
обвивалась вокруг его одинокого тела
подобного нагретому утесу черного базальта

* * *

Все эти тридцать общих лет
ты, казалось мне, готовил свое тело
для другой женщины
Взгляни, я до сих пор с тобой. И как нелепы
мои усилия подкрасить лицо, ходить в бассейн
казаться живой, и носить кольцо
принадлежащее ей

* * *

Когда ты впускаешь меня внутрь
приподняв завесу
я прокрадываюсь на цыпочках как кошка
и пересекаю арену
где кипит бой быков
Когда же красная тряпка свернута
и на время кажется невинным красным цветком
я нахожу уголок, чтобы облизать свою шкурку
или родить детеныша

* * *

Прошу твоей руки
прекрасный мой мужчина
все органы твои
слаще сахарина
Согласен ли ты стать
моим любимым мужем?
Я буду десять дней
учтиво ждать ответа
не буду десять дней
ни есть ни пить при этом
я буду десять дней
валяться у порога
хотя соседи могут
побить меня немного
А нет – найду другого
прекрасного мужчину
ничем тебя не хуже
Так хочешь ли ты быть
моим любимым мужем?

В машине

1.

Сажу в новой машине, она плавно катится к югу
сквозь весеннюю сухость шоком бьющую в сердце
сквозь вихрь желтых коричневых бабочек
Они тянутся мимо стекла как бесконечная цепь обещаний
как цепь холмов сорванных со своего привычного места
ради единого часа единственной в жизни любви
перепархивают как безумные южную скоростную трассу
в безоглядном порыве пылающей легкости
и мягко взрываются
на умытой щеке ветрового стекла

2.

Внезапно моя душа
пролетает мимо меня
шурша
по асфальту шоссе
словно машина новейшей марки
прохладная, тихая
и не замедлит
набирая разгон

И как я люблю вести ее ночью
совершенно одна
оставив
все что ждет меня впереди
и не замедлю
перед тенью ничьей руки
даже своей

Вопи

Вопи, овца ты несчастная
одуревшая от темноты, вопи
овца, ты испортила нам субботу
В промышленной зоне отдыхает чистый светлый песок
поблескивает золотыми пуговицами
коричневает карманами. И кому нужна в субботнее утро
эта овца, которую запер столяр в своей мастерской
где она стоит, лижет кудрявые стружки и сатанеет
от тоски по воде. Да если бы и могла, куда ей идти?
Во всей мастерской ни души, по всей промзоне ни звука
кроме нее, которая портит нам субботу
своим отчаянным воплем

Я принесла тебе

Я принесла тебе с улицы чернобелую кошку
чтоб ты, дочка, посмотрела на кошачьи повадки
Вот она сидит на мягком одеяле
твоей постели, чистит когти
нежно прочесывает шерсть, чтоб была пушиста и чиста
вылизывает любовно укромные места
Тихо-тихо глаза ее закрываются под зимним солнцем
Она засыпает, а с нею и ты. А в полдень, когда вы проснетесь
она встряхнется и отправится на охоту за розовой ящерицей
Почему же, дитя, ты надеваешь мои браслеты и кольца
и горько плачешь?

Добыча

Я мечусь по улицам
позеленевшим от голода
крепко зажав в зубах главное
кусочек съедобной добычи

Брось! брось! кричит мне ветер
Бросить еду? ни за что на свете!
даже отравленную, даже отравную

* * *

Чего он ждет, этот недвижимый темный человек
даже за полночь, просмотрев последние известия?

Ждет, что завершится этот досадный виток
и позволит воздуху улечься и наполниться богами
что затихнет суетный ветер вращающий колесо
и цвета радуги внезапно обнажатся во всей своей белизне

Встреча с поэтессой

Ольге Седаковой

Зачем я так торопилась уйти?
Почему в пространстве остался только один шаг
а остальные ушли строем, безошибочно зная
в какую гостиницу я вернусь посреди нееврейской ночи
понятия не имеющей что такое канун субботы
и почему в этот вечер необходим звонок из дома –
Я торопилась
после первой, желанной встречи
с женщиной, которая всего лишь пишет стихи
стихи тонкие и чуткие, словно беличьи уши
В глазах у нее горел мягкий зеленый огонь
а на устах семь языков, живых и мертвых, которые ей не нужны
ни для беседы вслух, ни для того,
чтобы смятенно пытаться понравиться людям
Слабым движением она извлекла из серозеленой бархатной шляпы
заледенелое пламенное христианство в стиле Данте
показала портрет отца-исповедника, который лучше любого врача –
нет, никогда в этом мире эта женщина мне не станет сестрой

А затем, в вагоне метро, в мимолетном заемном пространстве
смутно мерцающем под всеми земными путями
двое парней – один на гитаре
тихо наигрывал тонкий чуткий мотив
в тяжелой темной тоске, набожно и прилежно
повторял снова и снова
И еще там был человек
он стоял, привалившись к стене и слушал
Стоял и слушал долго-долго
слушал беззвучное эхо времен
погруженных в глубокий и долгий сон
Зачем же я так торопилась уйти?

Соленый помидор

Впитав укропный дух чесночный
В рассол душистый погружен
Он сладок, спел и обнажен
Недвижимый и беспорочный

И вот пришел желанный срок
Его на стол кладут, в тарелку
И, взявши в руки нож и вилку
Жуют солено-сладкий сок

Открой мне, милый помидор
Как мне в рассоле сохраниться
Не ждать, не рваться на простор

Не двигаться, не суетиться
Отбросить весь ненужный вздор
Ножа и вилки не страшиться

Вот наступает утро
Небеса пламенеют в изумлении
Перед пламенем солнца
невиданного, несравнимого
над пространством
космического океана

Вот наступает солнечный свет
Нам не с чем его сравнить
Он щедрее чем дождь насыщающий скалы
щедрее чем богач
анонимно осчастлививший кого-то наследством

Вот он, утренний свет
Он облек своей мантией все, что видно
и все, что не видно нашим глазам
ночью

Вцепиться

У быка были круглые птичьи глаза
Я вцепилась ему в брюхо руками и ногами
и ждала, когда он взлетит
Но бык спокойно жевал сено
глядя на меня своими птичьими глазами

У птицы были круглые бычьи глаза
Я вцепилась в пух у нее на животе
и ждала, когда же мы наконец полетим
Но птица клевала мою соломенную шляпу
глядя на меня своими бычьими глазами

ПЕСНИ СТАРЕНИЯ

1.

Насколько же разреженнее и медлительнее
последние десятилетия жизни
словно верхние слои атмосферы
вяло бредущие вверх, к луне

Из своих леденеющих высей
взирают вниз, на озаренную солнцем лестницу
увешанную гроздьями шепчущих клещей

2.

Ой, где очки
куда девались ключи
 Знакомые имена растаяли
 Знакомые места – где они?
Все провалилось в черные дыры
пробитые в мякоти знакомого мира

3.

Как они меня терзали
как тяжелы были
дни материнства
тяжелы
как живот на девятом месяце
Теперь они легки
как груди на девяностом году

4.

Высosi все до дна
изжуй почернелыми зубами
все забирай, обжора старость:
яблочный очерк щеки
медовую сладость дремоты
мгновенный подъем страсти
бурный прилив многоцветных соков

Одно пощади:
ночную радость
с книгой
под молчаливой лампой

5. Образ

Посмотри на этого стареющего, морщинистого человека
А что его душа – тоже сжалась и сморщилась
как ненужная бумажка, смятая в кулаке?
Или наоборот распрямляется, расправляется
прозрачнеет и наполняется светом и тайнами
словно пергаментный абажур на лампе
у постели ребенка
который никак не может заснуть?

6. Песня старого китайца

Немало лет я провел в одной упряжке с жизнью
и сколько мы с ней успели перессориться и переругаться!
Теперь же, когда мы кое-как притерлись друг к другу
дороги наши расходятся и пора прощаться

7. Синкопа

Старость есть длинная рука, лежащая
на груди расстроенной клавиатуры

Старость это синкопа

Как в фуге Баха, внезапный пролом
между сейчас и потом

Старость – звук безголосый такой
неслышимый ля-бемольный сбой

Между белым звуковым телом
которое до сих пор звенело

И черным, таящимся – тра-та-та-там!
в провале между здесь и там

Погляди погляди погляди
пропела высокая птица
голосом флейты
из-за железных ставен

Да, отвечала я ей
Да, я вижу я вижу
флейта есть и у меня
сейчас я открою ставни
и начну при свете дня

Портрет

Написанный в серо-белых тонах,
на знакомой стене, у которой стоит буфет
в рамке висит портрет

Две морщины от носа образуют высокую узкую крышу
над ртом, который лежит как в нише
Складка у основания носа – грозный карниз
нависающий с узкого лба вниз
Глаза – две обиды, тяжелые ведра на коромысле
несомые молча (не пролить ни единой горькой мысли)
Прочие черты вопят, разрываясь:
нет больше сил, не могу, кончаюсь!

И только рамка, со скрытым презрением обнимая
все это в целом, спрашивает негромко:
правота, почему ты вечно кислая такая?

